

А.В. Гладышев*

**ФРАНЦУЗЫ И РУССКИЕ В ГОДЫ
ИЮЛЬСКОЙ МОНАРХИИ:
КОНТАКТЫ И ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ
(О КНИГЕ Н.П. ТАНЬШИНОЙ)**

Автор очерка предлагает вниманию читателей критический анализ новейшей работы Н.П. Таньшиной «Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского». Взаимоотношения Франции Луи-Филиппа Орлеанского и России Николая I были натянутыми и, если Россию не любила в первую очередь французская «общественность», то официальная позиция России по отношению к Франции определялась во многом личными соображениями русского императора. При этом «самодержавность» французского общественного мнения влияла на восприятие французами России и русских ничуть не меньше, чем влияли на восприятие русскими Франции и России самодержавность российской политической формы правления и все ухищрения Третьего отделения.

Ключевые слова: Н.П. Таньшина, Июльская монархия, Луи Филипп Орлеанский, Николай I, имагология, историческая память

DOI 10.32608/0235-4349-2019-1-52-482-495

Мишель Кадо в свое время начал книгу «Россия и интеллектуальная жизнь Франции. 1839-1856 гг.»¹ констатацией смены исследовательского интереса в изучении русско-французских «связей»: с дипломатического и военно-исторического контекстов на раскрытие взаимных чувств. В русле этой смены исследовательских приоритетов и современного увлечения «историей эмоций» Наталия Петровна Таньшина в своей новейшей монографии² ставит вопрос прямо: «Почему нас не любили?» (С. 7). Фактически же она обращается к теме истоков политической русофобии на Западе и, в частности, во Франции. Обращение именно к Франции важно потому,

---

* *Андрей Владимирович Гладышев, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Саратовского национально-исследовательского государственного университета.*

¹ *Cadot M. L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française (1839-1856). P., 1967.*

² *Таньшина Н.П. Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 334 с. Далее ссылки на эту работу даются в тексте статьи.*

что стереотипы представлений о русских приходили к другим европейцам, например к испанцам³, чаще всего как раз от французов.

В центре внимания Н.П. Таньшиной Франция времен Луи-Филиппа Орлеанского и Россия времен Николая I. Взаимоотношения России и Франции в тот период, как мы привыкли думать, в целом были плохими. Правительство Николая I всячески препятствовало поездкам русских во Францию, а французов в Россию. Отношение же французов к России зависело от внутри- и внешнеполитической конъюнктуры⁴. Н.П. Таньшина старается нюансировать этот тезис, и сама по себе постановка цели исследования – «...изучение опыта взаимодействия двух политических режимов и идеологий, выяснение эволюции этих отношений от непризнания к признанию и взаимодействию» (С. 6) – несет в себе мысль о положительной динамике.

Работу открывает «двойной портрет» Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. В исторической памяти и россиян, и французов – речь идет не столько об историографии, сколько о коллективной памяти историков и любителей истории – Николай I и Луи-Филипп Орлеанский представляют собою фигуры привычно противоположные. И как их сравнивать? Чего, скажем, ожидать от сравнения придворных культур Каролингов и династии Цин, кроме констатации их самобытности? Тем не менее, усилия автора книги направлены на поиск общего между русским императором и королем французов, а, если смотреть чуть глубже, то – на выявление однотипных системных констант в различных политических режимах и идеологиях.

Во-первых, Луи-Филиппа и Николая I сближает преимущественно негативная их оценка как современными им интеллектуальными элитами, так и потомками. Луи-Филипп пользовался расположением у толпы, но не нравился французским элитам (С. 19). Николай I и вовсе был для французов «кровожадным медведем», а для русских либералов – «жандармом Европы» (С. 21). Схожа также их историографическая судьба: лишь в последние десятилетия императивом исследователей при характеристике этих монархов

³ «Образ России как “бича народов”, страны, готовой казацкой плетью пресекать стремление к свободе не только в Польше, но и во всей Европе, перекочевал в испанскую публицистику и литературу из Франции...». – *Багно В.Е.* Языки пограничных культур (Испания и Россия) // *Пограничные культуры между Востоком и Западом: Россия и Испания.* СПб., 2001. С. 26.

⁴ См., например: *Мильчина В.* Русофилы, русофобы и «реалисты»: Россия в восприятии французов // *Отечественные записки.* 2007. № 5.

стала «взвешенность оценок». Во-вторых, сходство состоит в трагическом «детском опыте» обоих монархов, рано потерявших отцов, довольно аскетическом воспитании, самодостаточности, доходившей до самоуверенности (С. 22-31). В-третьих, для каждого из них характерна «случайность» восхождения на престол, а потому – и необходимость убедить соседей по Европе в легитимности своей власти (С. 36-41). В-четвертых – обоюдное стремление провести социально-экономические и административные реформы. У первого «либеральный образ мыслей» сочетался со снижением темпа реформ, у второго «консерватизм мышления» все же допускал саму возможность умеренных реформ.

В результате, Луи-Филипп Орлеанский и Николай I оказались у Н.П. Таньшиной олицетворением известной дискуссии о взглядах раннего Шатобриана: кем был тот, либеральным консерватором или консервативным либералом? Так вот французский король у нее скорее «либеральный консерватор», а русский император, напротив, «консервативный либерал». Конечно, тот и другой с оговорками и нюансами...

И наконец, весьма схожи психологические типы личности этих монархов России и Франции: оба были чистой воды «практиками» (С. 61). Несмотря на всю внешнюю, в том числе юридическую, разницу в стилях управления, тот и другой стремились лично решать все дела, имея весьма высокое мнение о собственных государственных способностях. К тому же обоих сближала приверженность традиционным семейным ценностям (С. 75), что, конечно, не исключало различия в аристократическом и буржуазном понимании таковых.

Отношение Николая I к Франции Луи-Филиппа Орлеанского на первых порах определялось неприятием царем режима, рожденного революционным путем. Николай с опасением смотрел на невыгодную для России перемену в расстановке сил на международной арене из-за Июльской революции и на новое распространение по Европе «заразы французской», свидетельством чему были волнения и революции в Италии, Бельгии и Польше (С. 84-85). Далекую не последнюю роль играла и позиция французского правительства в отношении польского восстания 1831 г., и новый образ французской монархии. Да и показное увлечение Луи-Филиппа «демократическими идеями» не могло не оттолкнуть Николая I.

В ситуации столь сложных отношений между Россией и Францией особая ответственность ложилась на дипломатов. Большое внимание Н.П. Таньшина уделяет личности посла России во Франции К.О. Поццо ди Борго. Этот сторонник реставрации Бурбонов и противник либерализации Польши тяжело переживал волну антирусских выступлений в Париже, последовавшую за взятием русскими войсками Варшавы и похоронившую столь милое его сердцу франко-российское сближение (С. 92-98). Особенно его беспокоила деятельность французских пропагандистов, подталкивавших компромиссно настроенное правительство Луи-Филиппа к «масштабным внешнеполитическим акциям, призванным восстановить былое влияние и престиж Франции в Европе» (С. 104). Сомнения Поццо ди Борго в способности Июльской монархии сформировать стабильную политическую систему окажутся пророческими.

Н.П. Таньшина старается проследить, как вслед за Поццо ди Борго пытались добиться потепления отношений между Россией и Францией П. де Бургоэн, А.-Э.К.-Ж. Мортье, Н.-Ж. Мезон, П. де Барант, К. Перье, А. де Райневаль, А. Мерсье...

В какой-то мере все эти усилия дипломатов Июльской монархии были обречены на неудачу. И дело не в том, готов или не готов был Николай I сделать первый шаг от ледяной вежливости к признанию Луи-Филиппа «братом». Неслучайно первую половину книги Н.П. Таньшиной завершает очерк о *нелюбви* во Франции к России в годы Июльской монархии. В рассуждениях об истоках русофобии автор идет по стопам женевского журналиста Ги Меттана, дополняя его схему цитатами из М.-П. Рей о казаках⁵. При таком подходе реакция французов на подавление Россией польского восстания 1831 г. будет еще одной реперной точкой на кривой линии «оживления-затухания» существовавшей веками русофобии на Западе⁶. Хотя при констатации «всплеска русофобских настроений» следовало бы разделять архетипические страхи западноевропейцев перед угрозой с Востока/Севера и зигзаги пропагандистских кампаний. Существовала и более глобальная дихотомия: «Запад – Восток», где образ «Востока» был априори вторичен, являя собою производное от образа «Запада». Здесь

⁵ Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М., 2016; Рей М.-П. Александр I. М., 2013.

⁶ Подробнее см.: Malia M.E. Russia under western eyes: from the Bronze horseman to the Lenin mausoleum. L., 1999.

действовала так называемая «негативная идентификация», самоопределение от противного.

«Другую» Россию, «других» русских (и в то же время – недостаточно «других» по сравнению с китайцами или индусами) привычно относили к народам «варварским», «нецивилизованным». Появившаяся в XVIII в. в Англии и Франции концепция «цивилизованности» была попыткой западноевропейцев самоидентифицироваться. Превратившись в универсальную категорию, «цивилизованность» стала мерилем других стран и народов. При этом содержание понятие «цивилизованность» варьировалось от овладения мастерством куртуазного обхождения до приверженности всяческого рода «свободам»⁷. Польский вопрос сместил акценты в восприятии варварской России: образ бытового, коммуникативного варварства отступил перед образом варварства политического – деспотизма. Показательно, что одна из французских общественных организаций, которая оказывала полякам помощь не только в проведении, но и подготовке восстания именовалась «Общество цивилизации».

Если французам в 1830 г. грезилась интервенция со стороны России, от которой их якобы «уберегло» польское восстание, то зимой 1831 г. некоторые горячие головы требовали уже французской интервенции. Многие французы хотели записаться в корпус волонтеров для помощи польским повстанцам. Лейтмотив длинного ряда «Песен казаков» (Беранже, Барбье и др.) – это ужас перед Россией, «жандармом Европы», перед «страной варваров», потопивших в крови «польскую свободу». Отсюда и вереница антиказацких и антироссийских филиппик, прогнозирувавших роковую роль России в судьбе Европы. «В настоящее время для большинства моих знакомых чудовищным безрассудством, безумием представляются эти две идеи: “величайший плут из королей” и “лицемерный татарин”, в соединении с двумя именами, написать которые я не смею», – заявлял Стендаль в 1830-е гг.⁸ «Величайший плут» – Луи Филипп Орлеанский, а «лицемерный татарин» – Николай I. «Лицемерный» – очевидно «за Польшу».

Наводнившие Париж польские эмигранты немало потрудились над созданием образа деспотической России (С. 130)⁹. Шумящей

⁷ Гладышев А.В. Социальная справедливость как маркер «цивилизованности»: от истории представлений к информационным войнам // История и историческая память. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2018. Вып. 16. С. 20–30.

⁸ Стендаль. Жизнь Анри Брюлара // Стендаль. Собр. соч. в 12-ти тт. М., 1978. Т. 12. С. 10.

⁹ «Трудиться» над негативным образом России поляки начали, конечно, задолго до 1830 г.

под окнами русского посольства толпе невозможно было понять, почему Николай I предлагал полякам еще и «*заслужить* забвение происшедшего». Каждое обострение Восточного вопроса, каждое усиление позиций России на Балканах, заставляли французов и англичан, отложив споры, объединяться против «русской угрозы». Русофобия стала модой, открывала продвижение по службе, способствовала повышению финансового благосостояния...

По содержанию книга Н.П. Таньшиной гораздо шире событийной «истории отношений»¹⁰ и методологически богаче сравнительного жизнеописания «великих», компаративистики режимов и интертекстуального анализа различных пассажей их главных представителей...

Другая цель, поставленная автором работы – изучение «контактов», а, точнее, взаимовосприятия двух народов. Этому посвящена вторая половина книги: образы России и русских, образы Франции и французов...

М. Кадо в свое время представлял дело так, что с падения Наполеоновской империи и до смерти Александра I отношение французов к России было в целом благожелательным. Объяснялось это, по его мнению, в первую очередь личностью русского императора, признательностью французов за ту роль, что Александр I сыграл в их судьбе в 1814-1815 гг.¹¹ К тому же вернувшиеся на родину эмигранты и путешественники, побывавшие в России, отзывались о ней благожелательно, и «лишь» военнопленные или население тех регионов Франции, что подверглись военной оккупации в 1814 г. сохранили о русских (казаках) тяжелые воспоминания. Восшествие на престол Николая I, по мнению Кадо, изменило ситуацию: официальный Париж был по-прежнему толерантен, а вот французские публицисты, словно «вспомнив» о предостережениях аббата Жоржеля¹², заговорили о «русской угрозе»¹³.

Но изменение отношения французов к России не было обусловлено «уходом» с исторической сцены Александра I. Французские литераторы никогда не забывали отделять образ русского

¹⁰ В этом контексте используемые различными авторами понятия «отношения», «связи», «контакты» должны трактоваться как однопорядковые по своей онтологической принадлежности.

¹¹ См. также: *Гладышев А.В.* Французские либералы и Александр I // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. Саратов, 2002. С. 225-241.

¹² *Georgel J.-F.* Voyage à Saint-Petersbourg en 1799-1800. P., 1818.

¹³ *Cadot M.* L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française (1839-1856). P., 1967.

императора от образа России¹⁴, как в 1814 г. союзники во главе с Александром I старались отделить императора французов от самих французов.

Многие французы судили о России из вторых рук, сами в ней не бывали, а от кого-то что-то слышали или где-то что-то читали. Но, с другой стороны, многие в ней все же побывали. Несмотря на пристальное внимание к иностранцам со стороны Третьего отделения, стремившегося не допустить распространения революционных идей¹⁵, число французов, побывавших в России за годы Июльской монархии, выросло почти на четверть. Но вправе ли мы ожидать, что побывавшие в России французы, не знавшие, как правило, языка простого народа¹⁶, оставили в своих повествованиях образы более нюансированные, глубокие и лишённые навязчивых штампов? Видимо, следует признать, что факт пребывания тех или иных французских авторов в России и даже их непосредственные контакты с русскими сами по себе не гарантируют качественно более высокий уровень «отражений». Все очень индивидуально. Обобщения будут носить условный характер, а утверждение Ш. Корбе, что «долгая история взаимоотношения двух наций помогает нам понять завуалированные стороны души каждой из них»¹⁷, с научной точки зрения, выглядит излишне оптимистичным.

¹⁴ Пример тому – псевдоисторические сочинения или, называя вещи своими именами, антирусские политические пасквили «Краткий обзор истории России» и «История Александра I» А. Рабба, первое из которых вышло в свет еще до смерти Александра I и очень понравилось Гюго и Стендалю. Автор крайне враждебно относился к России. На первой же странице его «Истории» мы находим «кроважидный и дикий гений», «вечные морозы», «чудовищное количество набегов», «народ завоеватель». Достается даже Александру I – «отцеубийце». См.: *Rabbe A. Histoire d' Alexander I-er, empereur de toutes les Russies et des principaux événements de son règne. 2 vol. P., 1826. Т. 1. P. 1. Т. 2. P. 240.* Подробнее см.: *Гладышев А.В. А. Рабб и его «История Александра I» // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 214-229.*

¹⁵ См.: *Абакумов О.Ю. «... Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е - начало 1860-х гг.). Саратов, 2008.*

¹⁶ Но между французами и представителями социальных «низов» России, несмотря на языковой барьер, не было непреодолимой преграды в коммуникации. См., например: *Гладышев А.В. Дети Рабле: француженка о русском prostom vine // Новая и новейшая история. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2007. Вып. 22. С. 88-97; Гладышев А.В. Символизм русского плевка // Образ «Другого» в поликультурных обществах: Материалы международной научной конференции. Пятигорск, 22-24 апреля 2011 г. Пятигорск; Ставрополь; Москва, 2011. С. 74-79; Гладышев А.В. Маленькая мушка в паутине // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 12. Ставрополь, 2011. С. 50-66.*

¹⁷ *Corbet Ch. L'ère des nationalisms. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799-1894). P., 1967. P. 7.*

Поразившая с рубежа XX-XXI вв. отечественную историческую науку мода на имагологические штудии и «культурологию», привела к появлению работ, грешащих схематизмом: на основе набора цитат из различных авторов XIX в. под видом «комплексного подхода» пытаются вычлениить некие «тенденции», а то и просто «теряют» понимание объекта исследования и по специальности «Отечественная история» предлагают к защите темы типа «Французские публицисты о Великих реформах в России».

Надо отдать должное Н.П. Таньшиной: она идет другим путем, сохраняя верность системе координат историка – «место и время». Конечно, для исследователя предпочтительнее иметь дело не с набором отдельных цитат, а со сводом представлений, оценок, интерпретаций, впечатлений. И попытки составить такой свод уже предпринимались, но понятно, что имеющиеся в нашем распоряжении даже самые многостраничные антологии неполны¹⁸. Н.П. Таньшина, не претендуя на сколько-нибудь полную картину русско-французских взаимовосприятий в годы правления Луи-Филиппа Орлеанского и Николая I и не пересказывая работ своих предшественников, упорно и кропотливо собирает все новые фрагменты общей мозаики. На страницах ее книги читатель знакомится с отзывами о России переводчика К. Мармье, супругов Луи и Полины Виардо, журналиста Ш. де Сен-Жюльена, принцессы Матильды Бонапарт, композитора Г. Берлиоза, инженера Ксавье Оммер де Гелля и его жены¹⁹, дипломата П. де Баранта, художника О. Вернье (С. 163-206). Потестарная имагология предполагает изучение как обезличенных, так и персонифицированных образов власти. И из книги Н.П. Таньшиной видно, что французы по-прежнему, как ранее в случае с Александром I, выделяют образ русского императора из всего прочего русского. Даже А. Кюстин, не говоря уже об обласканном царем Вернье или дипломатичном Баранте, испытывал лично к Николаю I «неизменное уважение и даже сочувствие» (С. 208).

Что касается образа Франции и французов, который функционировал в сознании россиян, то, конечно, можно выделять как ми-

¹⁸ Le voyage en Russie. Antologie des voyageurs française aux XVIII-e et XIX siècle. P., 1990.

¹⁹ См. также: *Гладышев А.В.* Путешествие из Франции в южную Россию в первой половине XIX в. // «Курорт» в дискурсивных практиках социогуманитарного знания. Материалы международной научной конференции (Пятигорск, 28-30 апреля 2007 г.). Пятигорск; Ставрополь; М., 2007. С. 42-57.

нимум два уровня – народный и элитарный. А в случае с тем образом, который возникал в сознании «верхов» общества, попытаться вычленив в нем архетипический, стереотипический и индивидуально-рефлексивный уровни. Н.П. Таньшина обращается к анализу впечатлений от Франции, во-первых, тех представителей российской аристократии, которые имели возможность во времена Николая I пожить в этой стране. Впрочем, информации о колонии русских аристократов в Париже немного, при том, что русские князья были тогда в моде. Н.П. Таньшина акцентирует внимание на истории пребывания во Франции княгини Д.Х. Ливен²⁰. Но в авторской интерпретации это больше история чувств – любви и страха, которая все же имела счастливый конец: «восьмилетнее противостояние между всемогущим императором и своенравной княгиней закончилось победой женщины» (С. 246).

Во-вторых, автор анализирует впечатления о Франции того социального слоя, который на западный манер, можно назвать «интеллектуалами». В 1838 г. в Париже оказались три русских литератора – П.А. Вяземский, В.М. Строев и М.П. Погодин. Впечатления их были противоречивы: одного поразила шумная кипучая толпа, для другого столица Франции, оказалась неожиданно «благочинной». С одной стороны – беспардонная толкотня и грязь, с другой – «свободы» (курить и справлять на улице нужду). Кафе, заседания палаты депутатов, лекции в Сорбонне, встречи в салонах, посещение театра... (С. 246-270).

Третий очерк из серии «наши в Париже» посвящен дипломату В. Балабину. Его письма – не только «свидетельство повседневности Парижа 1840-х гг., но и зарисовки политической жизни столицы, ведущих политиков, света, двора, королевской семьи» (С. 276). За аристократами, интеллектуалами и дипломатами следуют разночинцы: анализируются сообщения А.Я. Панаевой о ее пребывании в Париже (С. 282-284).

Завершает имагологическую часть работы Н.П. Таньшиной параграф «Образ победы над наполеоновской Францией в николаевской России». Вообще наполеоновская эпоха в образах изучается в последние лет десять весьма интенсивно. Есть исследования и об образе собственно Наполеона, и об образе отдельных сражений, и о «войне образов» и т.д. А вот об образе победы, еще не писали... Не удержусь здесь от еще одного замечания относительно

²⁰ Таньшина Н.П. Княгиня Д.Х. Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009.

имагологических штудий. То, что более или менее удовлетворяло десять-двадцать лет назад, сегодня выглядит в лучшем случае как «строительный материал» для дальнейших конструкций. От выявления структуры того или иного образа, от разностороннего анализа составляющих этой структуры (контента) мы переходим к анализу функционирования образов, пытаюсь определить границы их изменчивости или эволюцию их роли в сознании. В национальном сознании образ «другого» может меняться, один образ сменять другой, могут одновременно сосуществовать несколько «образов». И здесь исследования, позиционирующие себя «в русле имагологии», неминуемо должны встретиться с исследованиями по исторической памяти. И у Н.П. Танышиной как раз речь идет не столько о самом *образе*, сколько о политике памяти победителей.

Роль России в победе над Наполеоном укрепила в Николае I мессианское сознание: на нем теперь лежит ответственность за европейскую систему, созданную его братом (С. 286-287). Формирование Николаем I культа победы над Наполеоном сочеталось с двойственным отношением к самому Наполеону. Как уверяли французы, говоря опять-таки о представителях элиты, в России Наполеона больше уважают, чем ненавидят. Для Николая I Наполеон был «гением», хотя «без рыцарства и великодушия» (С. 288). Уважение к поверженному противнику и подчеркивание его талантов – не только демонстрация благородства, но и напоминание, *какого* соперника мы одолели. В честь побед над французами строятся монументы, называются военные корабли, организуются празднества годовщин Бородинской битвы, возводятся памятники полководцам. Апелляция к исторической памяти – напоминание-предостережение русофобствующей Франции.

Февральская революция 1848 г. во Франции удивила Луи-Филиппа: «французы не устраивают революций зимой». Неожиданной она была и для русского посла во Франции Н.Д. Киселева. В его донесениях, извлеченных Н.П. Танышиной из архивов, проводилась мысль, что движущей силой революции была «уличная шпана, бездельники, всегда готовые к бунту и возмущению» (С. 300). Даже разномастные оппозиционеры режиму Июльской монархии не рассчитывали на успех в ближайшем будущем, восстание началось стихийно. Но измена национальной гвардии оказалась фатальной: ни смена главы правительства, ни отречение Луи-Филиппа в пользу своего внука не уберегли Францию от республики. Луи-Филипп,

якобы, не желая быть «королем революции» (как будто он им уже не был!), бежал в Англию. Что касается русского императора, то известия о французских событиях вызвали у него реакцию, которую можно охарактеризовать как дихотомию эмоций и разума: дух Священного союза взывал к мести, а политическая и финансовая реальности – к умеренности. Николай I мог бы быть удовлетворен (ведь он же «предупреждал»!), но гораздо в большей степени император России беспокоился о том, как бы «либеральная болезнь» не вышла за пределы Франции.

Финал самого Николая I также по-своему драматичен. Крымская война и ее последствия были еще и личной его трагедией: он не смог выполнить свою миссию. Рассказывая о реакции российского императора на Крымскую войну, Н.П. Таньшина обращается к еще одному архивному источнику – воспоминаниям А.Д. Блудовой, оставившей «прекрасный психолого-политический портрет государя» (С. 311).

Подводя итог исследованию, сам автор готов рассматривать взаимодействие российской формы правления с французской общественно-политической идеологией как своего рода «передовой опыт»: «Русско-французские отношения этого периода можно рассматривать как передовой опыт взаимодействия российского самодержавия и французского либерализма, как исторический пример возможности согласования национальных интересов и европейской безопасности в условиях многополярного мира» (С. 317).

Не оспаривая объективное значение для нас опыта прошлого, и даже не ставя под сомнение субъективные способности современных политиков, замечу, что отдельные замечания героев повествования Н.П. Таньшиной звучат действительно актуально и выводят на новый уровень осмысления феноменов революции (управляемая она или саморазвивающаяся система) и власти (соотношения материальных и эмоциональных детерминант). Одним словом, книга Н.П. Таньшиной побуждает к рефлексии, а чтобы убедиться в этом, возьмите и прочитайте ее!

Список литературы

Абакумов О.Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов: Научная книга, 2008. [*Abakumov O.Yu.* «...Chtob npravstvennaya

- zaraza ne pronikla v nashi predely» : iz istorii bor'by III Otdeleniya s evropejskim vliyaniem v Rossii (1830-e – nachalo 1860-h gg.). Saratov: Nauchnaia kniga, 2008].
- Багно В.Е.* Языки пограничных культур (Испания и Россия) // Пограничные культуры между Востоком и Западом: Россия и Испания. СПб.: Канун, 2001. [*Bagno V.E.* Yazyki pogramichnyh kul'tur (Ispaniya i Rossiya) // Pogramichnye kul'tury mezhdru Vostokom i Zapadom: Rossiya i Ispaniya. SPb.: Kanun, 2001].
- Гладышев А.В.* А. Рабб и его «История Александра I» // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. [*Gladyshev A.V.* A. Rabb i ego «Istoriya Aleksandra I» // Rossijskaya imperiya: strategii stabilizacii i opytu obnovleniya. Voronezh: Izd-vo VGU, 2004].
- Гладышев А.В.* Маленькая мушка в паутине // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. Вып. 12. [*Gladyshev A.V.* Malen'kaya mushka v pautine // Stavropol'skij al'manah Rossijskogo obshchestva intellektual'noj istorii. Stavropol': Izd-vo SGU, 2011. Vyp. 12].
- Гладышев А.В.* Символизм русского плевка // Образ «Другого» в поликультурных обществах: Материалы международной научной конференции. Пятигорск, 22-24 апреля 2011 г. Пятигорск; Ставрополь; Москва: Изд-во ПГЛУ, 2011. [*Gladyshev A.V.* Simvolizm russkogo plevka // Obraz «Drugogo» v polikul'turnyh obshchestvah: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Pyatigorsk, 22-24 aprelya 2011 g. Pyatigorsk; Stavropol'; Moskva: Izd-vo PGLU, 2011].
- Гладышев А.В.* Социальная справедливость как маркер «цивилизованности»: от истории представлений к информационным войнам // История и историческая память. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2018. Вып. 16. [*Gladyshev A.V.* Social'naya spravedlivost' kak marker «civilizovannosti»: ot istorii predstavlenij k informacionnym vojnam // Istoriya i istoricheskaya pamyat'. Mezhvuz. sb. nauch. tr. Saratov: Saratovskii gos. un-t, 2018. Vyp. 16].
- Меттан Г.* Запад – Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М.: Издательство «Паулсен», 2016. [*Mettan G.* Zapad – Rossiya: tysyacheletnyaya vojna. Istoriya rusofobii ot Karla Velikogo do ukrainskogo krizisa. M.: Izdatel'stvo «Paulsen», 2016].

- Мильчина В.* Русофилы, русофобы и «реалисты»: Россия в восприятии французов // Отечественные записки. 2007. № 5. [Mil'china V. Rusofily, rusofoby i «realisty»: Rossiya v vospriyatii francuzov // Otechestvennye zapiski. 2007. № 5].
- Суни Р.* Империя как она есть: Имперская Россия, «национальное» самосознание и теория империи // Ab Imperio. 2001. № 1-2. [Suni R. Imperiya kak ona est': Imperskaya Rossiya, «nacional'noe» samosoznanie i teoriya imperii // Ab Imperio. 2001. № 1-2].
- Таньшина Н.П.* Княгиня Д.Х. Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2009. [Tan'shina N.P. Knyaginya D.H. Liven. Lyubov', politika, diplomatiya. M.: Tovarishchestvo nauchnyh izdanij KMK, 2009].
- Таньшина Н.П.* Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М.: Политическая энциклопедия, 2018. [Tan'shina N.P. Samoderzhavie i liberalizm: epoha Nikolaya I i Lui-Filippa Orleanskogo. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2018].
- Cadot M.* L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française (1839-1856). Paris: Eurédit, 1967.
- Corbet Ch.* L'ère des nationalisms. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799-1894). Paris: M. Didier, 1967.
- Le voyage en Russie. Antologie des voyageurs française aux XVIII-e et XIX siècle. Paris: Robert Laffont, 1990.
- Malia M.E.* Russia under western eyes: from the Bronze horseman to the Lenin mausoleum. London: Belknap, 1999.

**THE FRENCH AND RUSSIANS IN THE YEARS OF
THE JULY MONARCHY:
CONTACTS AND MUTUAL PERCEPTION
(ON THE BOOK BY NATALIA TANSHINA)**

The author of the essay offers the readers a critical analysis of the new work of Natalia Tanshina « Autocracy and Liberalism: the era of Nicholas I and Louis-Philippe of Orleans ». He underlined that relations between France ruled by Louis-Philippe of Orleans and Russia of Emperor Nicholas I were very difficult for various reasons. The Russian Empire was utterly disliked by the French «liberal public». On the contrary, the official position of Russia towards France was largely determined by personal attitude of the Russian Emperor who treated the «King of barricades» with suspicion. The «autocracy» of French public opinion which was imbued with stereotype negative images of Russia deteriorated these relations no less than the autocracy of the Russian government and all the tricks of Russian police.

Keywords: N. P. Tanishina, the July monarchy, Louis Philippe d'Orleans, Nicholas I, image studies, historical memory

*Andrei Gladyshev,
Dr. Hab. (History), Professor
of Saratov State University*